

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ И ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1985–1994 гг.)*

В. Е. Снапковский

Анализируются тенденции развития исторической политики в Беларуси в период перестройки и парламентской республики (1985–1994 гг.). Дается определение понятий «историческая политика» и «историческая политика в Беларуси», характеризуются ее особенности в рассматриваемый период. Показываются проявления политизации истории и «историзации» политики. Описываются процессы формирования новой историографической концепции истории Беларуси и национальной системы исторического образования. Автор использует в исследовании собственный опыт свидетеля и участника событий.

Some basic tendencies of the historical policy in Belarus' development during the period of Perestroika and parliamentary republic (1985–1994) are analyzed in the article. The definitions of «historical policy» and «historical policy in Belarus» are given; its peculiarities in the considered period are characterized. Manifestation of the history politicization and «historicization» of the policy is demonstrated. Processes of formation of new historiography concept of the history of Belarus and the national system of historical education are described. In the research the author uses his own experience as a witness and participant of the events.

Ключевые слова: историческая политика в Беларуси, историография, концепции истории Беларуси, историческое образование, национальная идентичность, перестройка, парламентская республика.

Keywords: historical policy in Belarus, historiography, the history of Belarus concept, historical education, national identity, Perestroika, parliamentary republic.

Несмотря на то, что понятие «историческая политика» не используется в официальной политической терминологии Республики Беларусь, подобного рода политика активно проводилась властными структурами бывшей Белорусской ССР с 1990 г. и продолжает проводиться государственными органами независимой Беларуси в настоящее время. Только на 1990 г. приходится два случая обращения властных органов БССР к историческим событиям середины XX в. для доказательства своих прав на части территории соседней союзной республики (Литовской ССР) и соседнего государства (Республики Польша), о чем подробнее будет сказано ниже. Помимо использования исторической политики в международных отношениях власти суверенной Беларуси периода президентского правления активно вмешивались в научный и образовательный процесс в области исторической науки и проводили в этой и других смежных гуманитарных и общественных науках соответствующую кадровую, институциональную, идеологическую, воспитательную и иную политику.

Историческая политика, а в более широком контексте — взаимоотношения между историками и властью на территории Беларуси в поздние царские, советские и постсоветские времена стали настолько привлекательной сферой исследования, что явилась предметом специального и углубленного рассмотрения в книге немецкого автора Р. Линднера [14; 32]. Состояние и проблемы современной белорусской историографии, особенности интерпретации ею положения поляков в Беларуси и белорусско-польских отношений привлекают внимание и польских исследователей, среди которых следу-

ет выделить З. Д. Винницкого, посвятившего этой проблематике обширную монографию [35]. Одна из его статей об историографии как методе формирования современного белорусского национального сознания вызвала отклик с нашей стороны [29; 34].

Историческая политика и историография в современной Беларуси анализируется и белорусскими авторами: А. Великий [3], Г. Лазько [13], Г. Саганович [21; 22], А. Смолянчук [23; 24], В. Снапковский [26; 28; 29] и др. Этой тематике посвящены отдельные номера и рубрики журналов «Агچه-Пачатак», «Беларускі гістарычны агляд», «Беларускі гістарычны часопіс», «Гістарычны альманах» [4; 11; 16; 17].

Цель настоящей статьи — рассмотреть тенденции развития исторической политики в Беларуси во времена перестройки и парламентской республики. Источниками для ее написания послужили упоминаемая книга Р. Линднера, содержащая интересные концептуальные обобщения и подходы, фактический материал (середина 80-х — середина 90-х гг. XX в.), исследования белорусских историков и также собственный опыт свидетеля и участника событий на «историческом фронте», накопленный с начала 1980-х гг.

Обращаясь к содержанию термина «историческая политика» и его различному толкованию в литературе, в том числе в различных языковых версиях в «Википедии», позволим себе принять за лучший вариант определение, данное в польскоязычной версии данного интернет-портала. Под этим понятием, которое на польском языке звучит как «rolityka historyczna», подразумевается «политика формирования исторического сознания, понимаемая также как: 1) рефлексия над историей

* Статья подготовлена в рамках инновационного проекта «Литовско-белорусские отношения в исторической политике Литовской Республики и Республики Беларусь», выполняемого сотрудниками кафедры международных отношений БГУ и Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета в 2013–2014 гг.

или ее интерпретация с учетом актуальной политической ситуации данной страны; 2) политическая тенденция, содержащая в себе признание влияния истории на современные политические проблемы и учитывающая исторические факторы в текущей деятельности и разработке будущих (политических. — В. С.) программ; 3) формирование исторического сознания общества в целях объединения его вокруг данных политических программ. Примеры практического применения исторической политики: влияние государства на разработку школьных программ истории или решения властей о выборе исторических названий для улиц или городских площадей. В крайних случаях историческая политика приобретает форму манипулирования историей, мифологизации или просто фальсификации истории для политических нужд. Разновидностью исторической политики является политическая корректность в историографии, хотя эти понятия часто противопоставляются» [33].

Теперь попробуем разобраться с содержанием понятия «историческая политика в Беларуси» применительно к рассматриваемому периоду. Важным для его понимания представляется объект исследования, в качестве которого в книге Р. Линднера в узком смысле выступают возникновение и развитие исторической науки в нероссийской провинции царской России и Советского Союза, ее институциональное и кадровое обеспечение, взаимодействие национальной и интегральной концепции истории и выявление влияния на это решающих политических факторов и деятелей. В широком же смысле слова его книга посвящена соотношению историографической науки и политики в Беларуси [14, с. 9]. Как установил немецкий исследователь, важнейшей особенностью белорусского историописания, возникшей одновременно со становлением национальной историографии на рубеже XIX—XX вв., было непримиримое противоречие национального и имперского образцов интерпретации, которые, начиная с XIX в., в одинаковой мере описывали черты исторического образа Беларуси и искажали этот образ [14, с. 11]. Так возникла неоднородность, расколотость образа белорусской истории, в соответствии с которым «Беларусь могла иметь за собой или традицию тысячелетней государственности или рассматривалась как провинция в густой тени истории польской, российской или советской империй» [14, с. 479]. Двойственная культура истории и исторической памяти превращала согласно Р. Линднеру национальную и имперскую (ненациональную) концепции истории Беларуси в политически мотивированные конструкции, имевшие черты взаимоисключения.

Установление постулата о двойственной интерпретации основных тематических полей белорусской истории позволило немецкому исследователю дать свою интерпретацию понятия «историческая политика в Беларуси и Восточной Европе в целом», которое он представил следующим образом: «Воспринимаемая как функция национальной или политической жизни история не исследовалась, а конструировалась и демонтировалась, была объектом политической торговли или превращалась в про-

стую констатацию. Это ориентированное на историю «выторговывание» индивидуальных и коллективных, собственных и чужих образов, которое регулярно наблюдалось в Восточной Европе во времена переломных событий XX в., а не только в конкретном случае с Беларусью, здесь интерпретируется как историческая политика» [14, с. 17].

Переходя к рассмотрению исторической политики в Беларуси в период перестройки, отметим сразу же такие ее характерные черты, как амбивалентность и неоднозначность, названные Р. Линднером в соответствующем разделе книги как «око-стенение и прорыв» [14, с. 388] (в другом месте им использована характеристика «продолжение традиций и изменения в белорусской историографии» [14, с. 23]). *Продолжение традиций* выразилось в преемственности белорусской исторической концепции с досоветским и раннесоветским периодом; причем белорусские, украинские и российские историки стали заниматься трактовкой аналогичных мифологем и исторических стереотипов. *Изменения* нашли свое выражение в том, что стала разрабатываться концепция дистанцирования от истории России [14, с. 24]. К концу 1980-х гг. в белорусскую историографию вернулась конкуренция между национально-исторической концепцией и марксистско-советским упорядочением мира, которая сохраняется и в наши дни [14, с. 480].

Смена курса в советской общественной науке, в том числе в исторической не была инициирована сверху и не была начата собственно историками. Первые сигналы к переоценке советской истории прозвучали в кинематографе, театре и художественной литературе. В союзных республиках огромный общественный резонанс получил термин «манкурство», введенный в оборот киргизским писателем Ч. Айтматовым, ставший синонимом утраты исторической памяти и отчуждения от национальных и языковых традиций в советское время. В Белорусской ССР, как и в других союзных республиках, история все больше превращалась в предмет политических дискуссий и среду национального смысловотворчества. На такую своеобразную «историзацию» общества и повлекшую за этим вынужденную смену политического курса республиканского руководства повлияли события, произошедшие в 1986—1988 гг. К важнейшим из них следует отнести катастрофу на Чернобыльской АЭС, открытие массовых захоронений жертв репрессий в урочище Куропаты на окраине Минска, письма представителей художественной и научной интеллигенции к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву о тяжелом состоянии белорусского языка в республике [6, с. 133—153]. В годы перестройки в образованных слоях белорусского общества произошла трансформация историко-политического и языково-политического сознания. Споры между сторонниками Компартии Беларуси и возникшими неформальными общественно-политическими и культурно-просветительскими организациями и объединениями велись преимущественно на поле битвы истории, где историки выступали в качестве идеологов двух лагерей. Эта тенденция усилилась в независимой Республике Беларусь [14, с. 390, 394].

Национальная история белорусов, которая фактически создавалась, писалась заново, должна была согласно представлениям сторонников формирующейся национальной историографической концепции выйти из тени истории России, т. е. стать прежде всего нероссийской [1, с. 17–21; 14, с. 392; 22]. Поэтому образ могучего, обширного и полиэтнического Великого княжества Литовского (ВКЛ) как общего белорусско-литовского государства, изучение которого не поощрялось в советские времена, обратил на себя особое внимание белорусских историков. И не только историков, но и новых политических движений и общественно-политических деятелей. В принятой в 1989 г. программе Белорусского народного фронта «Возрождение», создателями которой выступили представители творческой и научной интеллигенции, в том числе группа историков, была зафиксирована однозначная корреляция с историческими символами ВКЛ и Белорусской Народной Республики (в виде бело-красно-белого флага и герба «Погоня» [20]). Вслед за БНФ и другие белорусские политические партии демократической ориентации стали искать свой родвод в национальной истории.

БНФ в своей политической, культурно-просветительской и пропагандистской деятельности ссылался на древние исторические традиции Полоцкого и Турово-Пинского княжеств, на «суверенитет Беларуси и Литвы в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском». 1 июля 1990 г. конференция БНФ приняла «Декларацию о независимости Беларуси», в первой части которой под названием «Исторические положения» отмечалось, что «суверенность Белорусского государства берет исток от независимости Полоцкого княжества и Великого княжества Литовского», приводились примеры борьбы за независимость во время восстаний 1794, 1830–1831, 1863–1864, 1905 гг., положительно оценивалось создание БНР и БССР. Во второй части документа также содержались неоднократные обращения к историческому прошлому Беларуси, в том числе «тысячелетней традиции белорусской государственности» [5, с. 87]. И хотя исторические ссылки не вошли в принятую 27 июля 1990 г. Верховным Советом БССР 12 созыва Декларацию о государственном суверенитете Белорусской ССР [19] (из-за сопротивления номенклатурного большинства парламента), однако историко-политические и интеллектуальные разработки были использованы в дальнейшем. В преамбуле Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 г. тем же составом Верховного Совета, содержится положение о «многовековой истории развития белорусской государственности» [10, с. 3]. Это стало прорывом в официальной исторической политике позднесоветской БССР и периода существования парламентской республики, поскольку впервые в государственном документе появилась констатация того, что государственность Беларуси начинается не с 1919 г., когда была провозглашена Белорусская ССР, а на много веков раньше.

По словам Р. Линднера, публичные дискуссии по проблемным вопросам белорусской истории, разгоревшиеся в 1988 г., ни в коей мере не демонстрировали отставание провинции от центра:

«Монолиты мыслей начали распадаться и в Минске. Наряду с призывами литераторов, к изменению прежних убеждений и к действиям историков здесь подталкивали долгосрочные последствия чернобыльской катастрофы и черепа, выкопанные в Куропатах» [14, с. 398]. При этом история в Беларуси политизировалась в начале сама, что вело с другой стороны к исчезновению полутонов и поляризации исторической науки; особенно выразительно это проявилось во второй половине 1990-х гг. В центре дискуссий оказались вопросы предыстории БССР, польско-советских отношений межвоенного периода и советская национальная политика 1920-х гг. В этом контексте белорусские дебаты о прошлом можно было сравнить с соответствующими дискуссиями в Прибалтике и Украине. Однако решающее отличие состояло в том, что здесь прошло больше, чем где-нибудь еще времени, прежде чем традиционная историческая наука смогла утвердить себя как носительница идеологии [14, с. 398–399].

Историческая политика коммунистических властей БССР проявилась и на международной арене как аргумент в территориальных спорах с соседями. Дезинтеграция Союза ССР и суверенизация его субъектов подняли сложный и болезненный вопрос о границах между союзными республиками. Белорусские историки и представители диаспоры считали, что Беларусь является одной из наиболее пострадавших республик СССР, отмечая, что половина ее территории (этнических белорусских земель) находится за границами БССР. На основе изучения процессов расселения белорусов и исторических карт, в частности карты академика Е. Карского от 1917 г., исследователи констатировали, что белорусские земли входят в состав всех соседних государств, а сама территория Беларуси испытала в течение первой половины XX в. 8 разделов [8, с. 58, 65–67].

Доводы историков, географов и публицистов об обделенности белорусов исконными территориями попали на благоприятную почву после провозглашения Литвой независимости. Президиум Верховного Совета БССР принял 29 марта 1990 г. заявление, в котором было сказано, что в случае выхода Литвы из состава СССР Белорусская ССР будет требовать вернуть ей белорусские земли — город Вильно и Виленскую область, Свентянский и части территории еще пяти районов Литвы [7]. Эти территории в 1939–1940 гг. Литве отдал И. Сталин, имея в виду свои геополитические расчеты и в качестве дара за ее вхождение в состав СССР. Это заявление, сделанное по подсказке из Кремля, не встретило позитивных отзывов со стороны общественно-политических кругов Беларуси. Территориальные требования к Литве не поддержал новый состав Верховного Совета БССР, начавший работать в мае 1990 г. Однако заявление от 29 марта 1990 г. косвенно одобрил президент СССР М. Горбачев, который на пресс-конференции в Вашингтоне 3 июня 1990 г. заявил, что территория Литвы включает пять районов, ранее принадлежавших Беларуси [25, с. 393].

Еще одна территориальная проблема, имеющая исторические корни, была поставлена белорусским руководством перед Польшей в октябре 1990 г. Во время визита в Минск министра иностранных дел

Польша К. Скубишевского его белорусский коллега П. Кравченко заявил о непринятии белорусской стороной проекта Декларации об основах межгосударственных отношений, который был предложен польской стороной. Это было сделано несмотря на то, что аналогичные декларации с Польшей были подписаны в ходе визита К. Скубишевского в СССР с Украиной и РСФСР. Причиной отказа стали требования, выдвинутые белорусской стороной. Белорусские власти заявили, что БССР не подписывала советско-польский договор о государственной границе от 16 августа 1945 г. и не может признать его действительным для Беларуси. Конкретно речь шла о том, что белорусская дипломатия отказывалась принимать предложенную Варшавой формулировку о неприкосновенности и неизменности в будущем существующей белорусско-польской границы, которая была определена советским и польским правительствами в 1945 г. К. Скубишевский выразил сожаление в связи с возникшей пограничной проблемой, но одновременно признал, что позиция Минска не была для него неожиданной, поскольку для исправления недостатков прошлого необходимо время [27, с. 120–121]. Вопрос о границах был урегулирован подписанием Договора о добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Польской Республикой от 23 июня 1992 г., согласно которому стороны подтвердили существующие между обоими государствами границы.

После провозглашения независимости 25 августа 1991 г. в Беларуси, как и в других постсоветских государствах, продолжилось и интенсифицировалось «включение» истории в политику, которое здесь проявлялось особенно ярко. Это процесс, который Р. Линднер называет «историзацией политики», приобрел в Беларуси двойственную природу. С одной стороны, история стала для всех политических сил резервуаром политической аргументации, с другой — политическая культура власти сама по себе должна рассматриваться как «историческая» и анахроническая. Когда политические группировки начали издавать свои программы, а власти новопровозглашенного государства — свои инструкции и проекты Конституции, национальная история присутствовала везде [14, с. 402].

«Историзация политики» и всей публичной сферы происходили параллельно с процессом политизации исторической науки. Председатель Верховного Совета С. Шушкевич в докладе по случаю 3-й годовщины принятия Декларации о государственном суверенитете (1993 г.) хотя и проводил исторические параллели с прошлым, однако одновременно предупреждал, что современное общество не может формироваться в соответствии с тем или иным образом прошлого и что нельзя смешивать уроки истории с конкретными примерами отношений с демократическими соседними государствами [18].

В своем приветствии редакции «Беларускага гістарычнага часопіса», первого периодического научного и научно-методического издания историков Беларуси, начавшего выходить в 1993 г., С. Шушкевич сформулировал цели и задачи, стоящие перед историками независимой Беларуси. «Историче-

ская память нашего народа прошла через жестокие испытания. Столетиями навязывались белорусам искаженные исторические идеи и концепции, призванные принизить, а то и перечеркнуть нашу самобытность, величие и неповторимость наших духовных достижений», — говорилось в приветствии тогдашнего руководителя белорусского государства. Чтобы очистить белорусскую историю от наносного и фальшивого, возродить у людей интерес к своему богатому историческому наследию и гордость за него, потребуются большие интеллектуальные и моральные усилия, принципиальная позиция и глубокая внутренняя вера в возрождение своего Отечества [31].

Главный редактор «Беларускага гістарычнага часопіса» В. Кушнер в «Слове от редакции» открыто высказал свое отношение к взаимоотношениям истории и политики: «Историческая наука и ее исследователи никогда не были и не будут вне политики. И мы открыто и прямо заявляем, что наша политика и главная цель журнала — содействовать процессу национального возрождения и укрепления национального сознания белорусов, воспитания патриотов своего Отечества путем глубокого изучения нашей истории и пропаганды исторических знаний». Вместе с тем он заявил о решимости редакции уменьшать влияние политической конъюнктуры на содержание материалов журнала, преодолевать идеологическую зашоренность, мифы и репрессивное отношение к историческому прошлому [12, с. 5].

После провозглашения независимости перед историками Беларуси, как и других постсоветских государств, во весь рост встала задача разработки национальной исторической концепции. Речь шла о том, чтобы представить обществу новый взгляд на отечественную и всемирную историю, сфокусированный через свои, если хотите, «национальные очки». Необходимо было решительно отбросить старые методологические подходы, оценки, инструментарий, построенные на имперских и классовых парадигмах и догматах, и перейти на позиции научного и объективного исследования прежде всего отечественной истории. Такая задача, как подчеркивал заместитель директора Института истории Национальной академии наук Беларуси М. Бич в своей известной статье о национальной концепции истории и исторического образования в Республике Беларусь, вытекала из особенностей развития историографии Беларуси, в которой длительное время господствовали две антибелорусские концепции — великопольская и великороссийская, отрицавшие в конечном счете сам факт существования белорусского этноса, его языка и культуры и признававшие Беларусь частью Польши или России, а белорусов — ветвью польского или русского «племени» соответственно. В таких условиях первоочередной задачей белорусских историков стало «возрождение национальной концепции истории Беларуси» [1, с. 15; 2, с. 20–21].

М. Бич сформулировал важнейшие принципы, на которые должна была опираться эта концепция: департизация и деидеологизация историографии; гуманистические, общечеловеческие и национально-государственные ценности в оценке исторических

событий; методологический плюрализм; объективность отбора и анализа фактов; понимание отечественной истории как органической части европейской и мировой истории; сравнительно-исторический подход с выявлением специфического и общего в мировой, региональной и отечественной истории; отражение в научных исследованиях и учебниках дискуссионных проблем и главных концепций [1, с. 17–18].

Необходимость разработки национальной концепции истории и исторического образования в Беларуси, в основу которой были бы положены указанные выше принципы, была отмечена в обращении Первой Всебелорусской конференции историков, состоявшейся в Минске 3–5 февраля 1993 г. [30, с. 9–10]. Декан исторического факультета Белорусского государственного университета П. Шупляк в своем выступлении призывал отказаться от отживших, антинациональных подходов к историческому образованию и перейти к новой модели образования, стержнем которой на исторических факультетах вузов был бы цикл дисциплин, связанных с историей и культурой Беларуси. Серьезным изменениям должно было подвергнуться содержание всемирной истории, куда включалась бы история СССР и России. Особое место в изучении всемирной истории необходимо было отвести истории соседних народов — русского, украинского, польского и литовского, с которыми у белорусов на разных этапах складывались общие исторические судьбы. П. Шупляк особо подчеркнул, что белорусским историкам, исследователям и педагогам необходим «свой белорусский взгляд на всемирную историю», под которым понималось не официальное требование, а моральная категория, которая необходима сейчас, на начальном этапе строительства независимой Беларуси [30, с. 10].

Активным сторонником разработки и внедрения в практику исторических исследований национальной концепции истории Беларуси выступал директор Института истории М. Костюк, которого поддерживало значительное большинство сотрудников института и белорусских историков. Необходимость подобной концепции обосновывалась государственными, национальными интересами Республики Беларусь, [9, с. 3, 9]. В докладе на Первой Всебелорусской конференции историков М. Костюк говорил: «Национальная концепция истории Беларуси не может исходить с позиций белорусского народа, с позиций патристического отношения к своему Отечеству. Исторические исследования не могут не быть пронизаны чувством национального достоинства и высокого отношения к нашему героическому прошлому» [9, с. 7–8].

Мы уже обращали внимание на то, что зарубежные исследователи исторической политики и историографии Беларуси (Р. Линднер и особенно З. Д. Винницкий) как-то очень настороженно и критично отреагировали на «национальную концепцию истории Беларуси» [29, с. 279]. Р. Линднер употребляет это термин в кавычках, считая, что эта концепция может привести к сужению перспективы исследований (как раньше — «марксистско-ленинская концепция») и отграничению от истории

других народов [15, с. 117–118]. З. Д. Винницкий, ссылаясь на Р. Линднера, видит в стремлениях белорусских историков вернуть в центр своих исследований белорусов, белорусский этнос, белорусский народ, Беларусь, такое явление, как «белорусоцентризм», что по его словам вредно для науки, поскольку ведет к ее политизации и изоляции [34, с. 347–348]. Полемизируя по этому вопросу с польским историком и своим добрым приятелем, автор писал: «Не могу считать “белорусоцентризм” даже определенной болезнью роста, поскольку без него у белорусского историка теряется моральный и политический смысл в изучении белорусской истории. По моему мнению, пока в Беларуси будет существовать учебный предмет и научная дисциплина под названием “История Беларуси”, его преподаватели и исследователи будут больны “белорусоцентризмом”» [29, с. 280]. В другом месте нами отмечается, что «историк, если он ощущает себя патриотом или просто сознательным гражданином государства, будет “болеть” национальным или этническим центризмом в своих научных поисках и исследованиях» [29, с. 280].

Что касается «национальной» или «национально-государственной концепции истории Беларуси», к разработке и обсуждению которой, особенно ее внешнеполитических аспектов, имел отношение и автор этих строк (в 1988–2000 гг. работал в Институте истории НАН Беларуси старшим, ведущим научным сотрудником, заведующим отделом национальных и международных отношений, являлся членом Ученого совета института), то хотелось бы отметить, что тогда мы хотели создать для исследовательских целей сообщества белорусских историков общую методологическую и даже идейно-нравственную платформу, которая освещала бы историю Беларуси с белорусских, национально-государственных позиций. «Национальной концепции» как готового и законченного документа не существовало. Это был набор принципов и теоретических подходов, сформулированный М. Бичом, М. Костюком и другими авторитетными исследователями и принятый на вооружение уже где-то в середине 1990-х гг. значительной частью белорусских историков. Это признает и Р. Линднер, констатируя, что новейшее обобщение историографии истории Беларуси пронизано преимущественно духом «национальной историографической концепции», основы которой начали связываться с возникновением белорусоведения в конце XVIII в. [14, с. 13].

Однако на официальном, государственном уровне эта концепция после 1994 г. не получила поддержки. По меткому выражению Р. Линднера, спустя несколько лет после провозглашения независимости прежняя историческая концепция времен парламентской республики, которую он называет официальной, не получила «фирменного знака национальной историографии», а «историография и государственная политика пошли разными путями» [14, с. 11].

Один из активных исследователей исторической политики современной Беларуси Г. Саганович выделяет следующие основные особенности становления национальной историографии первой по-

ловины 1990-х гг.: «Отказ от идеологических установок советской эпохи, возвращение к национальным приоритетам и активное налаживание международных контактов. Ключевые темы для нового нарратива в основном определялись целью демонтировать советскую историческую мифологию». Ими стали поиск корней своей государственности, утверждение образа Великого княжества Литовского как белорусско-литовского государства и переписывание истории отношений с Россией с акцентом на войнах, антироссийских восстаниях и антисоветской борьбе в Беларуси. Отвергая основные постулаты великорусской и советской историографии, белорусские историки старались экспонировать связи своей страны с западноевропейской цивилизацией. В белорусской историографии, пишет этот историк, тогда явно преобладала прозападная ориентация, которую можно было считать своеобразной реакцией на москвоцентричную доктрину, бывшую обязательной в советское время. Новое освещение истории Беларуси, представленное и в учебниках, и в академических обобщающих трудах, не только отдаляло ее от России, но и служило укреплению национальной идентичности белорусов [22].

Важным направлением исторической политики республики в 1991–1994 гг. была перестройка исторического образования в средней и высшей школе. В 1991 г. была разработана и опубликована новая концепция исторического образования в средней школе. На ее основе в 1993 г. введены новые базовые программы и учебные пособия по истории Беларуси и всемирной истории. Введена новая историческая периодизация отечественной истории, согласованная с периодизацией всемирной истории. В ведущих университетах созданы кафедры истории Беларуси, белорусоведения; кафедры истории СССР включались в состав кафедр всеобщей истории или были преобразованы в отдельные кафедры истории России и истории южных и западных славян на историческом факультете БГУ. В 1993 г. началось издание новых исторических журналов – «Беларуская мінуўшчына» і «Беларускі гістарычны часопіс», «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» в 6 томах (издание завершено в 2003 г.). В 1993 г. состоялась I Всебелорусская конференция историков, была создана Ассоциация историков Беларуси. В дальнейшем, в 1994–1995 гг. Институт истории НАН Беларуси опубликовал первое учебное пособие для вузов республики «Нарысы гісторыі Беларусі» в 2-х частях, в котором история белорусского народа была представлена в соответствии с национальной историографической концепцией [26, с. 80]. Следует выделить подготовку и публикацию школьных учебников по истории, введенных в оборот в 1993/1994 учебном году. Они в короткие сроки способствовали тому, чтобы обеспечить молодое поколение и все белорусское общество необходимым объяснением важных исторических событий и их национальной трактовкой, которая исходила из древних времен европейской истории [14, с. 413].

После установления президентской республики начался новый этап исторической политики в Беларуси. На референдуме 14 мая 1995 г. большин-

ство принявших участие в голосовании поддержало инициативы президента о придании русскому языку статуса государственного языка, что уравнивало его с белорусским, имевшего до этого статус единственного государственного языка; о замене принятой национальной государственной символики; о поддержке курса президента на экономическую интеграцию с Россией. Референдум и состоявшиеся в тот же день парламентские выборы прошли сразу же после празднования Дня Победы, который в том году отмечался особенно торжественно в связи с 50-летием окончания войны. По словам Р. Линднера, возрождалась мемориальная культура бывшего СССР [14, с. 404–405]. В результате второго общенационального референдума 24 ноября 1996 г. национальный праздник был перенесен с 27 июля (день провозглашения Декларации о государственном суверенитете в 1990 г.) на 3 июля, день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. Новый праздник со временем получил название День независимости (День республики). Таким образом, важнейшая историческая дата была возвращена к временам Великой Отечественной войны, с которой большинство белорусов связывало основы белорусской государственности.

Р. Линднер, характеризуя содержание исторической политики, пишет, что начиная с 1994 г. официальная политика все более отдалялась от национальной версии истории, хотя среди большинства населения распространялась интерпретация истории и современности. Состояние исторического и мировоззренческого вакуума, характерное для последних советских лет и первых лет независимости, вело большинство белорусских историков на национальные и демократические позиции видения истории. С другой стороны, оно давало возможность определенным неосоветским утопиям вновь приобрести силу [14, с. 23–24].

Рассмотренный выше 10-летний период становления исторической политики Республики Беларусь пришелся на переломное время, охватывающее последние годы существования СССР и БССР и первые годы независимости белорусского государства. Историческая наука и историческая политика развивались в эти годы в условиях взаимопересечения и конфронтации национальной и ненациональной (интегральной, имперской, российскоцентричной) концепций истории, которые сложились еще на рубеже XIX–XX вв. Во времена перестройки наиболее характерными чертами исторической политики и историографии в Беларуси были: возвращение традиций досоветского и раннесоветского периодов и дистанцирование от российскоцентричного видения истории. В атмосфере гласности и широкого общественного интереса к отечественной истории, особенно XX в., происходила политизация исторической науки и «историзация» политики, формирование и кристаллизация двух лагерей среди историков – сторонников национальной исторической концепции и приверженцев старой консервативной школы, ориентированных на российский-дореволюционные и советские стереотипы и подходы. Историческая политика коммунистических властей БССР проявилась и во внешнеполитической сфере

как аргумент в потенциальных пограничных спорах с соседней союзной республикой (Литовской ССР), объявившей о выходе из СССР, и соседним государством (Польской Республикой), границы с которой были установлены без участия БССР. Историческая политика Беларуси в 1991–1994 гг. была направлена на возрождение национальной концепции истории Беларуси, формирование национальной системы

исторического образования, проведение национальной коммеморативной и памятной политики, вхождение в международное сообщество историков и решение других задач, способствующих формированию национальной идентичности Беларуси. В 1995–1996 гг. было положено начало новому периоду исторической политики в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Біч М.* Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 15–24.
2. *Біч М.* Станаўленне нацыянальнай гістарыяграфічнай канцэпцыі (раздел артыкула «Гістарыяграфія гісторыі Беларусі») // Энцыкл. гісторыі Беларусі. Мінск : БелЭн, 1996. Т. 3. : Гімназія – Кадэцыя. С. 19–22.
3. *Вялікі А.* Гістарычная палітыка ў Беларусі: 1921–1939 гг. Польскі накірунак // Спрэчныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі : зб. навук. прац II і IV Міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 2010–2012 гг. Мінск : І. П. Логвінаў, 2013. С. 242–249.
4. Гістарычная памяць і гістарычная палітыка ў Беларусі // Arche-Пачатак. 2013. № 2. С. 1–487.
5. *Голубеў В.* Даследчык гісторыі станаўлення беларускай дзяржаўнасці // Ісці на святло лабірынтамі даўніх падзей: зборнік памяці Віталія Скалабана. Мінск : Лімарыус, 2013. С. 84–95.
6. *Запруднік Я.* Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Мінск : Бацькаўшчына, 1996.
7. Заява Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР аб вяртанні БССР беларускіх зямель пры выхадзе Літоўскай ССР з Саюза ССР // Звязда. 1990. 1 крас. С. 1.
8. *Казлоў Л. Р., Цітоў А. К.* Беларусь на сямі рубяжах. Мінск : Беларусь, 1993.
9. *Касцюк М. П.* Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы // Гіст. навука і гіст. адукацыя ў Рэсп. Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): у 2 ч. Мінск : Універсітэцкае, 1994. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. С. 3–10.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 9-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013.
11. *Круглы стол* на праблемах беларускай гістарыяграфіі // Arche-Пачатак. 2003. № 2. С. 34–48.
12. *Кушнер В.* Слова ад рэдакцыі // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 4–6.
13. *Лазыко Р.* Парадоксы сучаснай беларускай гістарычнай палітыкі ў адлюстраванні падручнікаў па гісторыі для сярэдняй школы // Спрэчныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі : зб. навук. прац II і IV міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 2010–2012 гг. Мінск : І. П. Логвінаў, 2013. С. 233–241.
14. *Лінднэр Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ў XIX–XX ст.; пер. з ням. СПб. : Неўскі прасцяг, 2003.
15. *Лінднэр Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка-Альбарутэніка 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Мінск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. Ч. 1. С. 113–119.
16. Матэрыялы IV навуковай канферэнцыі Беларускага гістарычнага таварыства «Беларуская гістарыяграфія часоў БССР» // Гіст. альманах. 2004. № 10.
17. Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Праблемы айчыннай гістарыяграфіі», Гродна, 19–21 студз. 2001 г. // Гіст. альманах. 2001. № 4.
18. Мы прыйдзем да Беларусі: выступленне Старшыні Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь Станіслава Шушкевіча па Беларускім тэлебачанні і радыё 27 ліп. 1993 г. // Нар. газета. 1993. 29 ліпня. С. 1.
19. О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики: декларация Верховного совета БССР от 27 июля 1990 г. № 193-ХІІ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь 3000 / ООО «Юрспектр»; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
20. Праграма Беларускага народнага фронту за перабудову «Адраджэньне» (1989 г.) [Электронны рэсурс] // Белорусская цифровая библиотека. URL: <http://library.by/portalus/modules/beleconomics/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1126893745&archive=&start_from=&ucat=11&> (дата обращения: 29.09.2011).
21. *Сагановіч Г.* Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках гісторыкаў // Беларус. гіст. агляд. Т. 17, сшытак 1–2. 2010. С. 225–229.
22. *Сагановіч Г.* Историческая политика в постсоветской Беларуси [Электронный ресурс] // Русский вопрос. 2009. № 2. URL: <<http://www.russkiiivopros.com/?csl=42&id=278&kat=5&pag=one>> (дата обращения: 27.03.2014).
23. *Смалянчук А.* «Савецкасць» беларускай постсавецкай гістарыяграфіі // Спрэчныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі : зб. навук. прац II і IV Міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 2010–2012 гг. Мінск : І. П. Логвінаў, 2013. С. 224–229.
24. *Смалянчук А.* У пошуках ворага беларускай нацыі // Беларус. гіст. агляд. 2003. Т. 10, сшытак 1–2. С. 255–280.
25. *Снапковский В. Е.* История внешней политики Беларуси. Минск: БГУ, 2013.
26. *Снапковский В. Е.* Новый социум и белорусская историческая наука: возможности и вызовы // Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании: материалы междунар. науч. конф., Минск, 16–17 нояб. 1999 г. Минск : МГЛУ, 2000. С. 78–82.

27. *Снапкоўскі У.* Беларуска-польскія адносіны (1990–2003 гг.) // Беларусь і Польшча = Polska i Białoruś. Warszawa : Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2003. С.119–128.
28. *Снапкоўскі У.* Беларускі гісторык пад прыгнётам улады: беларуская гістарыяграфія XIX–XX ст. вачыма нямецкага даследчыка // Беларус. гіст. агляд. 2000. Т. 7, сшытак 1(12). С. 214–227.
29. *Снапкоўскі У.* Водгук на артыкул Здзіслава Ю. Вініцкага «Historiografia jako metoda kształtowania współczesnej Białoruskiej świadomości narodowej» // Echa przeszłości. Olsztyn. 2007. № VIII. S. 277–283.
30. *Шупляк П.* Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: праблемы адукацыі // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 2. С. 7–10.
31. *Шушкевіч С.* Прывітанне рэдакцыі часопіса // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 3.
32. *Lindner R.* Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weissrussland im 19. und 20. Jahrhundert. München : R. Oldenburg Verlag, 1999.
33. Polityka historyczna [Electronic resource] // Wikipedia, Wolna encyclopedia. URL: <http://pl.wikipedia.org/wiki/Polityka_historyczna> (date of access: 15.05.2014).
34. *Winnicki Z. J.* Historiografia jako metoda kształtowania współczesnej Białoruskiej świadomości narodowej // Echa przeszłości. Olsztyn. 2006. № VII. S. 343–375.
35. *Winnicki Z. J.* Współczesna doktryna i historiografia białoruska (po roku 1989) wobec Polski i polskości. Wrocław : Instytut studiów międzynarodowych Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.

Статья поступила в редакцию 11 июля 2014 г.